

Э. Сетон-Томпсон

МАЛЬЧИК И РЫСЬ

Э. СЕТОН-ТОМПСОН МАЛЬЧИК И РЫСЬ (РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ)

1. МАЛЬЧИК

Торберну только что исполнилось пятнадцать лет. Он очень любил охоту. Над синим озером целый день тянулись стаи диких голубей и садились вереницами на высохшие стволы у просеки. Как хотелось ему подстрелить их! Но напрасно он караулил их в течение долгих часов. Казалось, они в точности рассчитали, на какое расстояние бьет его старое охотничье ружье, и каждый раз шумно поднимались, не дав ему приблизиться. Наконец небольшая стая рассыпалась по кустам у ручья вблизи хижины, в которой он жил. Прячась за хижинкой, Торберн осторожно подкрался к ним. Он наметил голубя, отделившегося от стаи, старательно прицелился и выстрелил. Почти одновременно раздался другой выстрел, и птица упала на землю.

Торберн бросился подбирать ее, но в то же мгновение из кустов выступил высокий молодой человек и поднял ее. - Эй, Корни! Ты взял мою птицу! - Твою птицу? Твоя вон куда улетела! Я увидел, как они рассаживались здесь, и решил сбить одного голубка из винтовки.

Внимательное расследование подтвердило, что голубя настигли одновременно и пуля винтовки и дробь старого охотничьего ружья. Стрелки целились в одну и ту же птицу. Оба от души посмеялись над совпадением, хотя, кроме смешного, в нем было много грустного, так как и съестных и боевых припасов не хватало в лесном жилье.

Корни был старший сын в большой семье. Желая обзавестись собственным домом, он снял участок в лесу. Две его взрослые сестры, степенная Маргет и веселая Лу, взяли вести его хозяйство. Торберн Олдер жил у них в гостях. Он только что оправился от серьезной болезни, и родные отправили его пожить первобытной жизнью в лесу, надеясь, что он сделается сколько-нибудь похожим на своих здоровяков-приятелей. Жилище их было построено из необтесанных бревен, без пола, с дерновой крышей, на которой буйно разросся бурьян. Однообразие окружавших их девственных лесов нарушалось лишь пролежавшей вблизи первобытной дорогой и сверкающим озером в каменистых берегах, за которым виднелся дом ближайшего соседа.

Жизнь их текла монотонно. Корни вставал на заре, разводил огонь, будил сестер и шел кормить лошадей, пока они готовили завтрак. В шесть часов завтрак был съеден, и Корни отправлялся на работу. В полдень, о наступлении которого Маргет узнавала по тени, падавшей от одного дерева на ручей, Лу вывешивала белую тряпку на жерди, и Корни, увидев сигнал, возвращался с пашни или сенокоса, грязный, загорелый и румяный. Тор иногда отсутствовал по целым дням. Вечером, когда все снова сходились за столом, он являлся с озера или с отдаленного горного хребта и ел ужин, который ничем не отличался от завтрака и обеда, так как еда была так же однообразна, как и образ жизни: свинина, хлеб, картофель и чай, иногда яйца, которые несла дюжина кур, ютившихся возле маленькой бревенчатой конюшни. Дичь ели редко, так как Тор стрелял плохо, а Корни был поглощен работой на ферме.

2. РЫСЬ

В лесу доживала свой век огромная старая ива. Смерть великодушно поступила с ней, послав ей три предостережения: во-первых, она переросла всех своих сестер, во-вторых, дети ее были уже взрослыми, и, наконец, сама она была пуста внутри. Зимний вихрь сломал ее и обнаружил большое дупло в том месте, где должна находиться сердцевина. Теперь ива лежала посреди освещенной солнцем просеки, как длинный деревянный грот, и в ней поселилась рысь, искавшая надежного приюта для будущих малюток.

Рысь эта была старая да впридачу еще тощая, так как год выдался плохой для хищников. Предыдущей осенью мор уничтожил главную их пищу - кроликов. Снежная зима с внезапной гололедицей истребила почти всех куропаток. Долгая дождливая весна переполнила пруды и реки, так что рыбы и лягушки оказались недоступными для когтистых лап, и наша рысь-мать страдала не меньше всех остальных хищников.

Слабенькие рысенята были только обузой для матери, отнимая у нее время, которое она могла бы употребить на охоту.

Любимая еда рыси - зайцы и кролики. Бывали годы, когда она ловила их по пятидесяти штук в день. Но в этом году ей не попало ни одного.

Как-то раз она поймала красную белку, забежавшую в дупло ивы. В другой раз единственной ее пищей за день был вонючий уж. Затем выдался день вовсе без еды, и малыши жалобно визжали, так как им не хватало молока. Однажды она увидела большого черного зверя с неприятным, но знакомым запахом. Быстро и безмолвно она прыгнула на него ихватила по носу. Но дикобраз пригнул голову, хвост его взлетел кверху, и рысь-мать была поражена в десяти местах жгучими маленькими дротиками. Она вытащила их зубами, так как познакомилась с уловками дикобраза уже много лет назад, и одна только горькая нужда могла заставить ее теперь напасть на него.

В этот день она ничего не поймала, кроме лягушки. На следующий, во время долгой мучительной охоты, она услышала странный зовущий голос; он был ей неизвестен. Осторожно приближаясь к нему против ветра, она уловила много новых запахов и несколько неизвестных звуков. Громкий, ясный, раскатистый зов повторился, когда рысь-мать достигла открытой просеки. Посреди просеки находились два огромных вухухолевых или бобровых дома. Таких больших домов она никогда еще не видала. Они были сложены из бревен и расположены не на пруду, а на сухой полянке.

Возле этих домов прогуливалось несколько куропаток, то есть похожих на куропаток птиц, только крупнее и разноцветных: красных, желтых и белых.

Она трепетала от возбуждения. Еда, еда, множество еды! И старая охотница припала к земле. Грудь ее скользила по траве. Во время этого хитрейшего, тончайшего выслеживания локти ее поднялись выше спины. Ей необходимо поймать одну из этих куропаток, чего бы это ни стоило. В этой охоте недопустимо ни малейшее упущение, никакая уловка не должна остаться неиспробованной. Хотя бы на то пошли часы, целый день, надо только приблизиться настолько, чтобы обеспечить себе победу.

Между лесом и бобровым жильем было расстояние всего в несколько прыжков, но она употребила целый час, чтобы переползти его. От пня к кусту, от бревна к пучку травы она переправлялась, стелясь по земле, и куропатки не замечали ее. Они продолжали клевать, и самая крупная из куропаток время от времени повторяла тот звонкий клич, который рысь слышала в лесу. Был момент, когда куропатки как будто почуяли опасность, но долгое ожидание рассеяло их страх. Теперь они были уже почти на доступном расстоянии, и она вся тряслась от голода и охотничьего пыла. Взгляд ее сосредоточился на белой птице, не самой близкой, но почему-то привлекавшей ее своим цветом.

Бобровый дом стоял на расчищенном месте. Немного поодаль начинался высокий бурьян с торчавшими там и сям пнями. Белая птица забрела в бурьян, голосистая красная взлетела на верх бобровой кучи и запела по-прежнему. Рысь-мать еще ниже припала к земле. В крике красной птицы ей почудился тревожный сигнал. Но нет, белая все еще тут - вот ее перья проглядывают сквозь стебли.

Теперь перед рысью лежало открытое место. Сплющившись, как пустая шкура, охотница медленно и безмолвно проползла за бревно, которое было не толще ее шеи. Если ей удастся достигнуть вон того пучка травы, она оттуда проберется в бурьян, и тогда можно будет прыгнуть. Теперь к ней долетал уже запах птиц - теплый и могучий запах жизни, крови и плоти. Почуяв этот запах, она задрожала, и глаза ее заблестели.

Куропатки продолжали разгребать землю и клевать. Одна из них взлетела на вышку, но белая все не двигалась. Еще пять скользких, беззвучных шагов - и рысь очутилась за бурьяном, сквозь который просвечивали белые перья. Она измерила расстояние, нащупала почву, отодвинула задними ногами хворост, который мешал ей, и прыгнула. Белая так и не узнала,

какой смертью умирает. Налетела серая тень, быстрые и смертоносные когти вонзились в тело, и не успели другие птицы заметить врага и улететь, как рысь уже исчезла, неся в челюстях белую птицу.

Рыча от ярости и восторга, она скачками унеслась в лес и помчалась прямо домой. Последний трепет замер уже в теле жертвы, когда рысь услышала тяжелые шаги. Она вскочила на бревно. Крылья добычи заслоняли ей глаза, поэтому она положила курицу перед собой, крепко придерживая ее одной лапой. Звук приблизился, кусты раздвинулись, и показался мальчик.

Старая рысь знала и ненавидела людей. Она наблюдала за ними по ночам, выслеживала их, убегала от них, и однажды они ранили ее.

С минуту рысь и мальчик стояли лицом к лицу. Охотница зарычала, что означало предостережение и вызов, подхватила птицу и спрыгнула со ствола в спасительные кусты. До логовища оставалось еще около двух миль, но она не остановилась для еды, пока не увидела солнечную просеку с большой ивой. Тогда тихое "пр-р, пр-р!" вызвало малюток из дупла, и начался упоительный пир.

3. ДОМ РЫСИ

Вначале Тор, выросший в городе, не решался забираться в чащу. Если в лесу не слышен был стук топора Корни, он возвращался домой. Но с каждым днем он отваживался заходить все дальше и дальше, ориентируясь по солнцу и компасу. Он хотел не истреблять, а изучать диких животных, но естественник всегда сродни охотнику, и он не расставался с ружьем.

Единственным заметным обитателем их просеки был сурок: он жил в норе под пнем, шагах в ста от хижины. Солнечным утром он любил понежиться на пне. Но постоянная осторожность необходима всякому, кто живет в лесу. Сурок был всегда настороже, и Тор напрасно старался застрелить его или хотя бы поймать в западню. - Знаешь что, - сказал однажды утром Корни, - пора нам отведать свежего мяса.

Он достал свою винтовку с узеньким дулом старинного образца и, зарядив ее с тщательностью опытного стрелка, открыл дверь хижины и выстрелил. Сурок опрокинулся назад и не двигался. Тор помчался к нему и возвратился торжествующий, со зверьком в руках, крича: - Прямо в голову за сто двадцать шагов! Корни сдержал самодовольную улыбку, но углы его рта дергались и блестящие глаза засверкали еще ярче.

Это не было убийством ради убийства: ведь сурок опустошал все поле. Приятели пообедали вкусным мясом зверька, и Корни показал Тору, как обращаться со шкуркой. Сначала он положил мех в древесную золу на двадцать четыре часа, от чего вылезли все волосы, затем мочил шкурку три дня в мыльной воде и мял руками до тех пор, пока она не высохла и не обратилась в белую крепкую кожу.

Скитаясь по лесу, Тор часто заходил очень далеко. Он искал приключений, но они всегда заставляли его врасплох, сколько бы он ни гонялся за ними. Многие дни бывали совершенно бесцветны, другие полны приключений, но ведь неожиданность и составляет главную особенность и прелесть охоты.

Однажды Тор перешел через хребет и попал на открытую прогалину, где лежал сломанный ствол гигантской ивы. Ее величина поразила его. Он прошел дальше, направляясь к озеру, которое заметил невдалеке, и, пройдя немного, вдруг вздрогнул, внезапно увидев на сосне крупное черное животное футок в тридцати от земли. Медведь! Вот оно наконец, приключение, которого он дожидался все лето! Сколько раз за последние годы он пытался вообразить, как он будет вести себя, если встретит медведя!

Тор замер на месте. Правая рука его опустилась в карман. Вытащив оттуда несколько крупных дробинок, он положил их поверх мелкой дроби, которой было заряжено ружье, и засунул пых, чтобы дробь не высыпалась.

Медведь не двигался. Мальчик не мог видеть его головы, но стал теперь внимательно к нему присматриваться. В сущности, он вовсе не так велик... да нет, это маленький медведь, и даже очень маленький: медвежонок. Значит, где-нибудь по соседству прячется медведица. Тор с

некоторым страхом глянул по сторонам, но, не видя никаких признаков медведицы, поднял ружье и выстрелил.

К его изумлению, животное брякнулось на землю без признаков жизни. Это был вовсе не медведь, а крупный дикобраз. Мальчик разглядывал его с удивлением и жалостью, так как не имел никакого желания убивать такое невинное существо. На потешной мордочке дикобраза оказалось две-три длинных царапины, доказывавших, что Тор не был единственным его врагом. Собираясь уйти, он увидел пятна крови у себя на штанах и только тогда заметил, что сильно расцарапал себе руку об иглы животного.

Лу, узнав о том, что Тор оставил дикобраза в лесу, побранила его. Он должен был снять шкуру, ведь ей так нужна меховая накидка на зиму!

В другой раз Тор зашел в лес без ружья. Внезапно он услышал странный звук, затем ему показалось, что на стволе что-то движется. Он раздвинул ветки и ясно рассмотрел голову и хвост огромной рыси. Она тоже заметила его и зарычала, сверкая глазами. Под ее лапой на стволе лежала белая птица, в которой, присмотревшись, он узнал одну из собственных драгоценных кур. Каким жестоким и свирепым показался Тору зверь! Мальчик от души ненавидел его. Он скрежетал зубами от досады, что оказался без ружья именно теперь, когда ему подвернулась такая небывалая добыча. Вдобавок он порядочно струсил и стоял как вкопанный, не зная, что ему предпринять. Рысь зарычала громче. Ее куцый хвост злобно дернулся, затем она подхватила свою жертву и, соскочив со ствола, исчезла в чаще.

Лето было дождливое, земля отсырела, и юный охотник нередко натыкался на следы, которых не заметил бы в сухую погоду. Однажды ему попался в лесу отпечаток как бы свиных копыт. Он без труда мог проследить их, так как свиньи, по-видимому, прошли здесь недавно. Все остальные следы были смыты ливнем. Пройдя около полумили, он достиг оврага, по ту сторону которого заметил белые пятна. Зоркие молодые глаза мальчика различили очертания лани и ее пятнистого детеныша, с любопытством глядевших на него. Несмотря на то что мальчик пришел сюда по их же следу, открытие очень удивило его. Он уставился на них с разинутым ртом. Мать повернулась и, подняв сигнал тревоги - свой белый хвост, - унеслась легкими скачками вместе с малышом, перелетая через низкий бурелом без всякого усилия и с кошачьей гибкостью наклоняясь под низкими сучьями.

Возможность выстрелить в них больше не повторилась, несмотря на то что ему часто попадались те же следы. Он ни разу больше не видел их обоих вместе, но лань-мать все же повстречалась ему однажды. Она нюхала воздух, рыла землю и казалась встревоженной, озабоченной; вероятно, она искала своего детеныша. Тор припомнил уловку, которой научил его Корни. Он осторожно нагнулся, взял широкую травинку, положил между пальцами и дунул в этот самодельный свисток. Свист был похож на резкое, отрывистое блеяние. Хотя лань находилась на большом расстоянии, она вскачь пустилась к Тору. Он схватил ружье, готовясь убить ее, но едва он зашевелился, она заметила его и остановилась. Шерсть ее слегка ошетилилась. Она фыркнула и вопросительно взглянула на него. Взгляд больших кротких глаз тронул его сердце, сдержал его руку. Она осторожно ступила ближе, глубоко втянула воздух и, поняв наконец, что перед ней смертельный враг, бросилась за ствол дерева и исчезла, прежде чем мальчик успел преодолеть сострадание. "Бедняжка! - подумал Тор. - Должно быть, потеряла своего маленького".

Мальчик еще раз увидел рысь в лесу. Через полчаса после встречи с осиротевшей ланью он перешел длинный хребет, расположенный в нескольких милях на север от хижины. Он миновал уже прогалину с дуплистой ивой, когда перед ним появился большой котенок с куцым хвостом и простодушно уставился на него. Ружье взлетело кверху, как и всегда, но котенок только наклонил голову набок и бесстрашно продолжал его рассматривать. В это время не замеченный им до сих пор второй котенок стал заигрывать с первым, хлопая его лапой по хвосту и приглашая повозиться.

Разглядывая их забавные прыжки. Тор совсем забыл про ружье. Но вскоре он вспомнил о прежней вражде. Он уже готов был поднять ружье, как вдруг вздрогнул от громкого рычания, и перед ним не более как в десяти футах очутилась старая рысь, рослая и свирепая, как тигрица. Было бы безумием стрелять теперь в одного из рысят. Мальчик с трепетом подсыпал крупной дроби в ружье, прислушиваясь к тому, как усиливается и замирает сварливое рычание. Но прежде чем он успел прицелиться, рысь схватила что-то лежавшее у ее ног. Мальчик успел рассмотреть белые пятна на темной шкуре - это было бездыханное тело маленького детеныша лани. Затем рысь исчезла в чаще вместе с рысятами. Он больше не встречал ее до той минуты, когда им обоим пришлось положить на весы жизнь против жизни.

4. ГРОЗА ЛЕСОВ

Прошло шесть недель. Однажды утром Корни поразил друга и сестер своей необычайной молчаливостью. Его красивое лицо было очень серьезно, и, против обыкновения, он совсем не пел, хлопоча по хозяйству. Тор с Корни спали вместе на койке в углу главной комнаты, и ночью мальчик не раз просыпался от стонов и бреда товарища.

Поутру Корни встал, как всегда, и пошел дать корм лошадям, но снова прилег, пока сестры готовили завтрак. Позднее он сделал над собой усилие и отправился на работу, но возвратился раньше обыкновенного, дрожа с головы до ног. Несмотря на жаркую летнюю погоду, он никак не мог согреться. Несколько часов спустя начался сильный жар. Теперь всем стало понятно, что Корни заболел. Маргет собрала потогонной травки и напоила его, но, несмотря на все ее заботы, ему становилось все хуже. За десять дней он сильно исхудал и сделался совсем неспособным к работе. Наконец, почувствовав временное облегчение, больной решительно сказал сестрам: - Знаете, сестренки, сил моих больше нет. Лучше отправлюсь-ка я домой. Сегодня мне настолько хорошо, что я могу править лошадьми, хотя бы до полдороги. А станет плохо, вытянусь в фургоне, и лошади сами довезут меня. Мать поставит меня на ноги через неделю. Если вам не хватит еды, отправляйтесь на лодке к Эллертону, возьмите у него.

Итак, девушки запрягли лошадей, в фургон положили сена, и Корни, бледный и слабый, укатил от них по ухабистой дороге. Оставшиеся испытали чувство людей, покинутых на пустынном острове.

Не прошло и двух дней, как все трое, Маргет, Лу и Тор, тоже свалились, пораженные еще более тяжелой лихорадкой.

У Корни бывали через день "хорошие дни", но трое новых больных совсем не знали таких дней, и в доме воцарилось полное уныние.

Прошло семь дней, и Маргет не могла уже встать с постели, а Лу едва была в силах дотащиться из комнаты в комнату. Лу была мужественная девушка, одаренная природным юмором, поддерживавшим в больных бодрость духа. Но она так осунулась и исхудала, что от ее веселых шуток веяло жутью. Тор, хотя тоже больной и слабый, был крепче остальных и каждый день готовил и подавал им немного пищи. Он кормил их только один раз в день, так как аппетит их был невелик. Впрочем, они радовались этому: провизии оставалось немного, а Корни все не возвращался. Вскоре только один Тор был в состоянии встать с постели.

Однажды утром, притащившись за обычным ломтиком сала, он, к ужасу своему, увидел, что исчез весь так тщательно сберегаемый им кусок. Без сомнения, какой-нибудь дикий зверь украл его из ящика. Теперь в хижине оставались только чай и мука. Тора охватило отчаяние. Вдруг взгляд его упал на кур у конюшни. Но что толку в них? Теперь он так слаб, что поймать курицу для него не легче, чем изловить оленя или ястреба. Вдруг он вспомнил про ружье. Вскоре он уже ощипывал жирную курицу. Он сварил ее целиком, и бульон был первой действительно вкусной пищей, выпавшей на их долю за долгое время.

Они просуществовали благодаря этой курице три тягостных дня, и когда от нее ничего не осталось, Тор снова взялся за ружье; оно казалось много тяжелее теперь. Он протащился к амбару, но так дрожал от слабости, что промахнулся несколько раз, прежде чем ему удалось застрелить курицу. У него теперь оставалось только три заряда.

Тор удивился, увидев всего четыре курицы, тогда как прежде их здесь бродило более двенадцати штук. Три дня спустя он возобновил набег и нашел всего одну-единственную курицу, на которую и истратил свои последние заряды.

Жизнь его была теперь до ужаса однообразна. Утром, когда ему было сравнительно лучше, он приготавливал немного пищи для себя и для больных девушек и готовился к горячечной ночи, ставя по ведерку с водой в головах каждой постели. Около часа дня, с ужасающей точностью, начинался озноб. Мальчик трясся с головы до ног, зубы стучали, и холод пронизывал его изнутри и снаружи. Ничто не могло согреть его - огонь, по-видимому, утратил свои свойства. Ничего не оставалось делать, как только лежать, трястись и терпеть медлительную муку замерзания. Так продолжалось шесть часов. К холоду присоединялась мучительная тошнота. В семь или восемь часов вечера наступала перемена: начинался приступ сильнейшего жара, и никакой лед не

показался бы ему тогда прохладным. Воды, воды - ничего больше не было ему нужно, и он пил и пил. Под утро он засыпал в полнейшем изнеможении.

"Если не хватит еды, отправляйтесь на лодке к Эллертону", - посоветовал, уезжая, брат. Но кто же будет грести в этой лодке?

Теперь между ними и голодной смертью оставалось всего полкурицы. А о Корни ни слуху ни духу.

Вот уже три бесконечных недели, как тянется эта пытка. Каждый день все то же, лишь немного хуже с каждым днем. Еще несколько дней - и мальчик тоже не будет в состоянии подняться с постели. Что тогда?

Отчаяние охватило их. Каждый с ужасом думал: "Неужели Корни никогда не вернется?"

5. ДОМ МАЛЬЧИКА

Все утро этого дня Тор употребил на то, чтобы притащить три ведра воды. Озноб начался раньше обыкновенного, и жар был сильнее, чем всегда.

Он пил часто и много из ведерка, поставленного у изголовья постели. С вечера он доверху наполнил его, но в нем почти ничего не оставалось, когда около двух часов утра горячка оставила его и он уснул.

В час серого рассвета его разбудил странный звук поблизости - плеск воды. Повернув голову, он увидел у самого почти лица два светящихся глаза: какое-то большое животное лакало воду из ведерка у его постели.

Тор в ужасе смотрел на него, затем закрыл глаза, уверенный, что спит и видит во сне Индию и тигра, пришедшего к его изголовью. Но плеск воды продолжался. Он поднял голову: да, зверь все еще здесь. Он попытался крикнуть - из горла его вырвалось только слабое клокотанье. Большая мохнатая голова дрогнула, зрачки засверкали, раздалось фыркание. Странная тварь опустила на четвереньки и пошла через комнату под стол. Тор теперь окончательно проснулся. Он с трудом приподнялся на локте и слабо крикнул: "Ш-ш-ш!" Огненные глаза снова появились из-под стола, а за ними и серая фигура. Зверь спокойным шагом подошел к стене, проскользнул в отверстие для свалки картофеля и исчез.

Кто это? Больной мальчик едва мог сообразить: без сомнения, какой-нибудь дикий хищник. Мужество изменило ему. Он дрожал от страха, от чувства беспомощности и то забывался тревожным сном, то вдруг просыпался, всматриваясь в темноту, ища в ней ужасных глаз и серой крадущейся тени.

Так прошла вся ночь, и к утру он не был уверен, что это не бред. Но, встав, он тем не менее сделал слабую попытку заложить ход в подвал поленьями.

У всех троих был плохой аппетит, но пришлось и его обуздывать, имея всего полкурицы на пропитание. Корни, без сомнения, думал, что они побывали у Эллертона и запаслись всем необходимым.

Следующей ночью, когда изнуренный приступом лихорадки Тор начал дремать, его разбудил шум в комнате - как бы хруст костей. Всмотревшись, он разобрал очертания большого зверя, сидевшего на столе. Тор закричал, попытался бросить в него сапогом. Зверь легко соскочил со стола и пролез в широко открытую дыру.

Рысь! Теперь он знал, что это не сон. И девушки поверили ему, потому что они не только слыхали зверя, но лишились остатка курицы - последней своей пищи.

Бедный Тор почти не вставал с постели весь день. Но жалобы больных девушек наконец заставили его подняться. Дотащившись до ручья, он собрал там немного ягод и принес их домой. Затем он сделал обычные приготовления на случай озноба и жажды, но добавил еще одно: рядом со своей постелью он положил лучину, несколько спичек и старую острогу - единственное оставшееся у них оружие; ружье без зарядов было бесполезно. Он знал, что зверь вернется, и

вернется голодным. Он не найдет пищи, - чего проще приняться тогда за живую добычу, беспомощно лежащую перед ним? И перед глазами Тора встали поникшие ножки маленького теленка, стиснутого этими самыми жестокими челюстями.

Снова он, как умел, заложил ход в подвал поленьями, и ночь прошла на этот раз спокойно: свирепая посетительница не появлялась. На следующий день они ели мучной кисель; чтобы сварить его, пришлось разобрать часть баррикады. Лу пыталась шутить, уверяя, что стала теперь достаточно легкой, чтобы летать, но когда захотела встать, то оказалась не в состоянии отойти от кровати.

Наевшись киселя. Тор заснул. Ночь почти миновала, но под утро Тор внезапно был разбужен шлепаньем языка по воде, и снова он увидел горящие глаза, большую голову и серые очертания, слабо выделявшиеся на фоне светлевшего окна.

Тор напряг все свои силы для смелого окрика, но получился какой-то слабый писк. Он медленно приподнялся
и позвал:
- Лу, Маргет! Рысь, опять рысь пришла!
- Мы не можем тебе помочь... - ответили девушки.
- Ш-ш-ш! - Тор опять попытался спугнуть зверя.

Рысь вскочила на стол у окна и остановилась, зарывав при виде бессильного ружья. На миг она обернулась к окну, и Тор подумал, что она выбьет стекло и выскочит вон. Но вот она снова повернулась и уставилась горящими глазами на мальчика. Тор медленно поднялся с постели. Он понял, что настало время убить или быть убитым. Он чиркнул спичкой и зажег лучину.левой рукой он поднял горящую лучину, а правой - старую острогу, но почувствовал такую слабость, что вынужден был опереться на острогу, как на костыль. Большой зверь продолжал стоять на столе и слегка присел, готовясь к прыжку. Глаза его отливали красным блеском при свете факела, короткий хвост дергался из стороны в сторону, и рычанье становилось громче и выше. Ноги Тора подкашивались, однако он поднял острогу и слабо взмахнул ею. В тот же миг рысь прыгнула, но не на него, как он сперва подумал. Факел и смелость мальчика напугали ее, она перескочила через его голову и забилась под койку.

Но это была лишь минутная передышка. Тор установил факел на выступе бревна и взял острогу в обе руки. Предстояло биться не на живот, а на смерть, и он знал это. За перегородкой слышались слабые крики девушек. Тор видел только сверкающие глаза под кроватью и слышал, как рычанье зверя становилось все громче и громче. С большим трудом держась на ногах, он изо всей силы ударил острогой.

Оружие вонзилось во что-то мягкое, и раздался ужасающий вопль. Мальчик всей тяжестью налег на острогу. Рысь пыталась броситься на него, он слышал скрип ее зубов и когтей на рукоятке и чувствовал, что, несмотря на все его усилия, она придвигается все ближе. Мощные когтистые лапы уже тянулись к нему. Он знал, что силы скоро его оставят, и снова налег на острогу, напрягая остаток сил. Рысь рванулась, послышалось рычанье, треск. Ржавая острога сломалась, зверь метнулся на него, проскочил мимо, даже не задев его, юркнул в отверстие и исчез навсегда.

Тор упал на кровать и лишился чувств.

Неизвестно, сколько времени он пролежал, но солнце уже ярко светило, когда его разбудил громкий
веселый
голос:
- Эй, там! Что вы, умерли все? Лу! Тор! Маргет!
Тор не в силах был отвечать, но услышал топот лошадей на дворе и тяжелые шаги.

Дверь была высажена сильной рукой, и вошел Корни, добрый и красивый, как всегда.
- Умерли? - спрашивал он в ужасе. - Кто умер? Где вы? Тор!.. - Затем: - Кто умер? Лу? Маргет?
- Корни, Корни! - раздался слабый голос с постели. - Они там, в хижине. Им очень плохо. Нам нечего есть...
- О, какой я болван! - в отчаянии воскликнул Корни. - Я так был уверен, что вы побываете у Эллертона и запасетесь провизией!
- Не могли мы, Корни! Мы все трое свалились сразу, как только ты уехал. А потом пришла рысь и перетаскала всех кур и все, что было в доме.
- Ну, с ней-то ты поквалялся! - заметил Корни, показывая на кровавые следы, терявшиеся в углу под бревнами.

...Здоровая пища, уход и лекарство вскоре поставили всех на ноги.

Месяца два спустя, когда девушкам понадобилась новая кадка. Тор сказал:
- Я знаю, где найти дуплистую иву, толстую, как бочка.

Они отправились вдвоем с Корни на прогалину и, когда отрезали нужный им кусок дерева, в дальнем конце дупла нашли высохшие тельца двух рысят, лежавших рядом с матерью, в боку которой торчал обломок старой остроги.